

**КАНТАТЫ 40-Х ГОДОВ XX В. В ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРОВ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ИСТОРИЯ И ИНТРАИСТОРИЯ**CANTATELE DIN DECENIUL AL PATRULEA AL SEC. XX ALE
COMPOZITORILOR DIN REPUBLICA MOLDOVA: ISTORIA ȘI INTRAISTORIATHE CANTATAS OF THE 1940'S BY THE COMPOSERS
FROM THE REPUBLIC OF MOLDOVA: HISTORY AND INTRA-HISTORY**НАДЕЖДА КАУЛЯ,**

преподаватель,

Приднестровский государственный университет им. Т.Г.Шевченко, г. Тирасполь,
докторант Академии музыки, театра и изобразительных искусств

Статья документального характера посвящена обсуждению фактов истории и интраистории (по М. де Унамуну), касающихся создания кантат композиторами Республики Молдова в период 1940-х годов. Автор раскрывает неизвестные обстоятельства сочинения и идеологической оценки кантат «Стефан Великий» (1946), «С нами Ленин, с нами Сталин» или «Бессарабцы» (1947), марш-кантаты «Привет коммунистам Молдавии» (1949), Юбилейной кантаты «на случай», посвященной 25-летию Молдавской ССР Шт. Няги, а также одноименной кантаты по тому же случаю, сочиненной в соавторстве Д. Гершфельдом, Л. Гуровым и Н. Пономаренко (1949).

Ключевые слова: кантата, кантата «на случай», кантата «на заказ», советская кантата, композиторы Республики Молдова.

Lucrearea de față poartă un caracter documentar și reprezintă o descifrare a faptelor istorice și intraistorice (după Miguel de Unamuno) legate de crearea cantatelor de către compozitorii din Republica Moldova în anii '1940. Autoarea relevă factori necunoscuți privind compunerea și evaluarea ideologică a cantatelor „Ștefan cel Mare” (1946), „Cu noi este Lenin, cu noi este Stalin” sau „Basarabeni” (1947), a cantatei jubilară „25 de ani de la proclamarea RSSM” de Ștefan Neaga, precum și a cantatei omonime compuse cu aceiași ocazie de coautorii D. Gherșfeld, L. Gurov și N. Ponomarenco (1949).

Cuvinte-cheie: cantata, cantata „la comandă”, cantata „cu ocazie”, cantata sovietică, compozitori din Republica Moldova.

The article has a documentary character and is devoted to the discussion of the facts of history and intra-history (after Miguel de Unamuno) regarding the composition of cantatas by the composers from the Republic of Moldova in the 1940's. The author reveals unknown factors concerning the composition and ideological assessment of such cantatas as „Ștefan cel Mare” (1946), „Lenin is with us, Stalin is with us” or „The Bassarabians” (1947), the jubilee Cantata “25 years of the proclamation of the SSRM” by Ștefan Neaga, as well as the Cantata of the same name composed on the same occasion by the co-authors D. Gherșfeld, L. Gurov and N. Ponomarenco (1949).

Keywords: cantata, occasional cantata, cantata "on commission", Soviet cantata, composers from the Republic of Moldova.

В силу сложившейся исторической реальности, большая часть территории Республики Молдова присоединяется к культурному строительству советского государства в период послевоенной разрухи, в то время как Левобережье в составе СССР испытало весь сложный процесс трансформации. Основными задачами этого этапа стали усвоение новых советских ценностей, с одной стороны, и выработка отношения к недавнему прошлому в составе королевской Румынии — с другой.

В оценке данного исторического периода, который непосредственно отразился на эволюции кантат, мы опирались на концепцию истории, принадлежащую испанскому философу, поэту, писателю, ученому, основоположнику испанской ветви экзистенциализма Мигелю де Унамуну (1864–1936). «Унамуно разделяет исторический процесс на внешнюю историю (или собственно историю), т.е. хронологический поток фактологической событийности, подлежащей типологизации по формальным (национальному, политическому и т.п.) признакам, и интраисторию («осадок истории»), т.е. то экзистенциальное, «интимное», «глубинное и молчаливое», которое объединяет людей не по формальным, а по «органическим» (имманентным) основаниям: не цивилизация, но культура; не нации, но народ; не литературные традиции, но живой язык и т.п. Подлинным смыслом истории выступает у Унамуну трансформация ее в интраисторию...» — сообщается в статье из *Новейшего философского словаря* [1, с. 1070–1072].

Важнейшие исторические события в области культуры 40-х годов прошлого века хорошо известны. Это Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) Об опере *Великая дружба* В. Мурадели, опубликованное в газете «Правда» 11 февраля 1948 года, положившее начало кампании по борьбе с формализмом в пользу реализма как составной части сталинской культурной политики. В продолжение этой пропагандистской кампании последовало расформирование прежнего правления Союза композиторов и проведение Первого Всесоюзного Съезда Советских Композиторов в Москве, 19–25 апреля 1948 года. По стране прокатилась волна последствий Постановления: поиски «формалистов», публичные осуждения и покаяния композиторов, обвиненных или подозреваемых в «формализме», запрет на исполнении и издание их произведений и т.д.

Последствия Постановления для молдавских композиторов в принципе также известны: осуждение «антинародного формалистического направления, влияние которого отразилось в творчестве некоторых молдавских композиторов» (собрание членов СК 24 февраля 1948 г.) [2, с. 20]. Обвинения в формализме выдвинуты Е. Коке и Шт. Няге, в примитивизме — некоторым другим композиторам в Постановлении ЦК КП Молдавии от 11 апреля 1948 г. Второй Пленум СК МССР переизбрал новое правление под руководством Л. Гурова вместо Шт. Няги, проработавшего на этом посту менее двух лет. Детали же «внутренней» истории тех событий до сих пор остаются скрытыми в архивных документах. Резонанс известного Постановления для молдавских композиторов не ограничивался 1948 годом.

В данной статье мы опираемся на два рода источников. Во-первых, это музыковедческие работы первых послевоенных десятилетий, отразившие несомненный прогресс композиторского творчества — с одной стороны, и процесс приобщения творцов к советской идеологии — с другой. Во-вторых, это архивные материалы — протоколы и стенограммы заседаний Союза композиторов Молдавии, личные дела композиторов, зафиксировавшие «внутреннюю» историю. Все они отразили общие тенденции времени и те события общественной жизни, которые разворачивались в соответствии с генеральными планами культурного строительства в тот период.

Историография вопроса представляет научный интерес, так как современная (критическая) оценка советского музыкального наследия Республики Молдова в целом явно запаздывает. Кроме того, молдавская советская кантата остается недостаточно

исследованной. Изучение истории кантат, созданных молдавскими композиторами в послевоенный период, на наш взгляд, потребует приложения усилий в самых разных областях — музыковедении, архивистике, историографии. Обращение к документальным источникам для выяснения исторических обстоятельств создания сочинений, поиски музыкальных партитур, анализ самих произведений с позиций современной музыкальной науки — эти и ряд других задач стоят перед исследователем этой области творчества в Республике Молдова.

В послевоенный период второй половины 40-х годов в Советской Молдавии начинает формироваться новый советский музыкальный быт. В музыкальном творчестве не может не ощущаться преемственность с довоенным периодом, так как в Кишиневе продолжают работать опытные композиторы Е. Кока, Шт. Няга, творческая индивидуальность которых сформировалась в предшествующий период в условиях другого государства, других культурных ценностей и ориентиров. Смена государственного и политического строя, а вместе с ними — и идеологии, потребовала от композиторов резких изменений в мировоззрении. Рождение советской кантаты происходило в ситуации послевоенного восстановления и государственной трансформации. Страну покинули некоторые композиторы, работавшие в Бессарабии — М. Быркэ, В. Булычев, умер М. Березовский. В то же время композиторские силы умножились благодаря притоку новых авторов с Левобережья, Украины и России, которые продолжили в Кишиневе свою творческую деятельность в рамках усвоенной ими советской эстетики и идеологии.

В первые послевоенные годы создан ряд кантат одним из самых маститых композиторов Молдавии — Штефаном Нягой. В 1946–1948 годах он являлся председателем правления Союза композиторов Молдавской ССР. Именно в этот период из под его пера появляются кантаты для солистов, хора и симфонического оркестра *Штефан Великий* (1946), *С нами Ленин, с нами Сталин*, известная также под названием *Бессарабцы* (на слова Л. Корняну, 1947), марш-кантата *Привет коммунистам Молдавии* (на слова Б. Истру, 1949), юбилейная кантата *25-летие Молдавской ССР* (на слова А. Лупана и П. Крученюка, 1949, удостоена Государственной премии СССР в 1950 г.).

У первых советских кантат Молдавии оказалась непростая история. Прежде всего, остаются расхождения в датировке произведений и их идентификации [2]. Кантата *Штефан Великий* по одним источникам сочинена в 1945 г., по другим источникам — в 1946. Так, А. Софронов в биографическом очерке о композиторе из сборника 1956 г. датирует кантату 1945 г. [3, с.126]. Спустя всего четыре года Н. Шехтман в своем очерке о Шт. Няге указывает время создания этого произведения — с 1945 по 1946 [4, с. 145]. Значительно позже И. Пэкуруару уточняет период сочинения кантаты — начало 1945 – по октябрь того же года [5, с. 120].

В очерке *Кантатно-ораториальный жанр в творчестве молдавских композиторов* авторы — Б. Котляров и Е. Богдановский — представили обзор кантат и ораторий, созданных в период с конца 30-х вплоть до конца 50-х гг. XX века¹ [6]. Датируя шестичастную кантату Шт. Няги *Штефан Великий* 1945 годом, музыковед и хормейстер

¹ Авторы очерка начинают свой экскурс в историю жанра с кантаты украинского композитора Н. Вилинского *Молдова*, написанной в 1939 г. к 15-летию Молдавской ССР.

бегло рассматривают каждую часть с позиций драматургии и музыкально-выразительных средств, подчеркивают положительные стороны композиционного замысла. Вместе с тем, в очерке содержится и критика отдельных сторон кантаты: «...некоторая изошрённость тематического материала и надуманность гармонического языка снижает художественную ценность этого, в целом интересного произведения» [5, с. 82].

Было бы некорректно назвать «советской» кантату *Стефан Великий*, в основу словесного текста которой положена известная народная легенда *Mama lui Ștefan cel Mare*, преподнесенная поэтом Е. Буковым в свободной манере. В центре произведения — легендарный образ овечьего славой воеводы, героя-освободителя. Кантата опытного молдавского композитора по своей исторической тематике перекликается с лучшими советскими образцами этого жанра, созданными в 1938–1939 гг.: симфонией-кантатой Ю. Шапорина *На поле Куликовом*, на стихи А. Блока, кантатой *Александр Невский* С. Прокофьева и др. Однако, их появление в канун войны, отражение в них остро злободневной темы вражеского нашествия, разрушительных катаклизмов, героизма русских людей и победного завершения смертельной битвы если не определило полностью, то в значительной степени повлияло на удачную судьбу этих произведений.

Кантата *Стефан Великий*, созданная уже после Великой Отечественной войны, в процессе обсуждений на заседаниях Союза композиторов Молдовы вызвала немало разноречивых мнений, нередко перевешивающих долю здоровой критики. Так, в стенограмме Пленума Союза Советских композиторов Молдавской ССР 1950 г. зафиксировано мнение представителя Всесоюзного Правления ССК (Москва) Г. Гринберга о кантатах Шт. Няги: «...» в его произведениях в «Штефане Великом» и в кантате «С нами Ленин, с нами Сталин» он оказался в плену формалистического направления «...» мне лично показавшееся влияние Шостаковича, которое очевидно т². Няга воспринято, и Прокофьева, в особенности в произведении «Штефан» — это мне послышалось совершенно реальным, возможно из-за того, что он взял историческую тему 15 века, он попытался в молдавской музыке создать свой неоклассицизм, или имеются традиции Баха, и именно в таком стиле, как существует у Шостаковича. Здесь очень правильно отмечали сегодня, что тему «Штефан» тов. Няга не понял как тему союза русского и молдавского народов, а это очень серьёзная ошибка. «...» Мы специально прослушали в фортепианном изложении кантату «С нами Ленин, с нами Сталин» «...» очень ценно, что он поднял такую тему, но он не справился «...» Мы не принимаем ни «Штефана», ни кантаты «С нами Ленин, с нами Сталин» [7, с. 2, 3, 4, 5].

И. Пэкуру в своей статье *Cantata «Ștefan cel Mare» de Ștefan Neaga*³, появившейся уже в 1995 г., вкратце описывает драматургическое развитие в шестичастном сочинении, оправдывая выбор композитором темы для своей кантаты [5, с. 120].

В адрес композитора прозвучали упреки в сложности музыкального языка и недостаточной разработанности образов. Так, например, на одном из совещаний⁴ членов и

² т. (тов.) — товарищ

³ И. Пэкуру ссылается на совещания членов и кандидатов Союза Советских композиторов Молдавии по вопросу обсуждения постановления ЦК ВКП(б) об опере *Великая дружба* Мурадели, где критиковалось и причислялось к разряду формалистических любое произведение, не связанное с идеологией и темой борьбы народа с врагом, преобладавшей в послевоенное время. (О совещании см. далее).

⁴ 19–20 и 21 февраля 1948 г.

кандидатов Союза советских композиторов Молдавии С.М. Лобелем были высказаны следующие критические замечания: «...в третьей части оркестр перегружен так, что квартета не слышно. Нельзя сказать, что это произведение — результат модернизма или импрессионизма, тут недостатки другого рода. Есть недостатки голосоведения, есть такие вещи, которые трудны для исполнителя» [7, с. 29–30].

В ответ композитор заявил: «Товарищи в своих выступлениях отметили минусы моего творчества, я от души благодарен им. Моё творчество состоит из двух периодов. Период творчества до 1940 г. и период от 1940 г. по настоящее время. В первом периоде моего творчества было влияние французской школы, потому что я являюсь воспитанником её. Второй период моего творчества относится к жизни советской действительности. В этом периоде я поставил перед собой задачу перестроиться на советский реализм и избрал себе за основу молдавский фольклор, на котором и построил свой творческий язык, ибо для меня он был самым близким <...> я в своём творчестве не в достаточной мере мог отразить это, потому что влияние, которое было у меня, я встретил и у композиторов Москвы» (из Стенограммы совещания членов и кандидатов Союза советских композиторов Молдавии с участием общественности по вопросу обсуждения Постановления ЦК ВКП(б) об опере *Великая дружба* В. Мурадели) [7, с. 120–124].

Но истинные причины неприятия произведения в том, что в новом идеологическом контексте кантата *Стефан Великий* оказалась «несвоевременной», не соответствующей актуальности момента.

Кантата *С нами Ленин, с нами Сталин*, созданная Шт. Нягой в 1947 г., является одним из распространенных в то время сочинений на заказ. Это могли бы подтвердить записи из протокола №16 творческого собрания ССК Молдавской ССР: «*О творческих заявках композиторов на 1949 год /информация Л.С. Гурова*, где он сообщил о предстоящем 70-летию со дня рождения т. Сталина в декабре 1949 г., и призвал композиторов написать «достойные этой даты произведения». Далее он внес конкретное предложение: «Нужно также создать кантату о т. Сталине и это поручить персонально С.Т. Няга и Н.С. Пономаренко» [8, с. 35]. Однако разные даты появления кантаты и состоявшегося собрания, на котором композиторам предлагалось взяться за сочинение такого произведения, противоречат друг другу. Следовательно, поводом для написания кантаты послужила очередная дата революционного календаря. Согласно А. Софронову, «кантата была завершена в конце 1947 г. в ознаменование предстоящего 30-летия Великого Октября» [9, с. 55].

На упомянутом выше совещании членов и кандидатов Союза советских композиторов Молдавии, кроме отрицательного отзыва Г. Гринберга об этой кантате, прозвучала критика музыковеда А. Софронова, который высказался следующим образом: «... отсутствует характеристика образа в кантате, было это до победы или это победа. Музыка не доходит до слушателя. Здесь Няга в связи с трактовкой этой темы не смог в музыкальном отношении развить музыкальный материал, отражающий идейное содержание кантаты. <...> Ввиду отсутствия колоритных моментов, ввиду непонятной подачи идейного содержания — всё это является провалом нового произведения Няги. В кантате имеется много технологических моментов <...> что ярко бросается в глаза — это противоречие между хором и оркестром. Есть места, где хор даёт 20–25 минут <...> композитор не сумел правдиво в своём творчестве отобразить историческое прошлое и

настоящее молдавского народа» [7, с. 110–111]. Произведение, сочиненное к 30-летию Октябрьской революции, и в последующих работах А. Софронова оценивается как «неудачный замысел», который роднят с предшествующей кантатой *Стефан Великий* серьезные недостатки в области музыкального языка и драматургии. Так позже, в своем очерке музыковед, довольно подробно рассматривая кантату *С нами Ленин, с нами Сталин*⁵, констатировал: «Кантата неровная. Лучшими частями, которые заслуживают достойного места в концертных программах, являются первая, третья и пятая» [10, с. 82].

Негативно оценил это произведение и Л. Гуров. «Что касается других симфонических произведений, кантаты *С нами Ленин, с нами Сталин*, она мне не понравилась с самого начала <...> оно произвело нехорошее впечатление, нагромождение ненужных, лишних средств, чрезмерное пользование диссонирующими сочетаниями к месту и не к месту, линейные движения, оркестр был чрезвычайно перегружен, почти всё шло на одном звуке, на одном нюансе — фортиссимо, получалось впечатление крикливости...» [7, с. 90–92].

Уже в 1960 г. в очерке Н. Шехтмана о Шт. Няге из очередного сборника *Композиторы Молдавской ССР* кантата с таким названием исчезает из списка работ композитора, зато здесь присутствует другая кантата под названием *Бессарабцы*, на слова Л. Корняну, датируемая тем же 1947 годом [11, с. 145]. Судя по описанию автора очерка, кантата *С нами Ленин, с нами Сталин* и кантата *Бессарабцы* — одно и то же произведение⁶.

Партитура сочинения *С нами Ленин, с нами Сталин* композитора Шт. Няги была обнаружена в фонде библиотеки Академии музыки, театра и изобразительных искусств. На рукописной партитуре значится имя композитора; год написания кантаты и автор слов в партитуре не указаны, текст хоровой партии подтекстован лишь частично.

Произведение представляет собой пятичастный цикл для солистов, хора и оркестра. Объемная, монументальная кантата с широким диапазоном музыкально-выразительных средств является ярким примером сочинений послевоенного периода, выдержанных в духе традиций прославления вождей страны, ее идеологии.

Отсутствие словесного текста в имеющейся на сегодняшний день партитуре сочинения затрудняет детальный анализ кантаты. Тем не менее, можно заметить, что музыкальный язык точно передает характер и патриотический настрой сочинения. Ограниченное использование мелодических интонаций лирического характера в оркестре, солирующих партиях и хоре, применение аккордового склада (маршеобразные ритмы), частое использование энергичных секвенций в восходящем движении, превышающих тесситурные границы голосовых возможностей хоровых партий и т.п. — всё это в какой-то мере объясняет критический подход коллег композитора к произведению.

Оркестровые материалы сочинения, найденные исследователем Л. Балабан в фонде симфонических материалов Национальной Филармонии, возможно, помогут пролить свет

⁵ В данной редакции произведение фигурирует под названием *Бессарабцы*. Об изменении названия см. далее.

⁶ В материалах архива СК имеются данные еще об одном, по-видимому, промежуточном, названии кантаты: в списке произведений, посвященных 25-летию МССР, указывается кантата Шт. Няги под названием *Молдавия* как переработка старой кантаты *С нами Ленин, с нами Сталин* (ф. 2941, инв. 1, д. 45, л. 1).

на тайну смены названия этой крупной пятичастной кантаты. На страницах обнаруженных партий фигурируют названия *Ленин с нами / С нами Ленин, с нами Сталин/ Бессарабцы*.

К 25-летию юбилею Молдавии было создано немало произведений⁷. Среди вокально-симфонических сочинений — два одинаковых названия кантат на стихи одних и тех же поэтов — Лупана и Крученюка. Это, как указывалось выше, *Юбилейная кантата 25 лет Молдавской ССР* Шт. Няги и *Юбилейная кантата*, написанная в соавторстве Д. Гершфельдом, Л. Гуровым и Н. Пономаренко. Как пишет Е.С. Клетинич, «исполнение коллективного сочинения ведущих мастеров республики ожидалось с большим интересом», однако кантата оказалась неудачным опытом суммирования талантов и нежизнеспособным опусом в репертуаре капеллы *Дойна*, исполнившей данное произведение [12, с. 105].

Юбилейную кантату Шт. Няги и одноименное коллективное произведение Д. Гершфельда, Л. Гурова и Н. Пономаренко, являющееся также сочинением «на заказ», обсуждали на творческом собрании членов Союза советских композиторов Молдавии: «В.С. Виноградов⁸: <...> О кантатах — Кантата Н.Пономаренко — владеет хором, хорошо создаёт эмоциональный образ, но произведение не отвечает своему назначению. Нет национального колорита. Нет монументальности.

Кантата⁹ композитора Няга /переработанная/ по масштабам отвечает требованиям, но кантата абстрактна по своему образу, национального колорита в ней не чувствуется. 2-я часть сырая по материалу. Эпизод смерти Ленина также абстрактен.

Вторая кантата¹⁰ — С.Т. Няги — вступление обещает многое, но тут же, где начинается *Соль-мажор*, эпизод, музыка не выразительна. Мелодия же выразительна, нейтральна.

Кантата Н.С. Пономаренко и Д.Г. Гершфельда — хороший молдавский колорит, но у неё нет масштаба, отвечающего дате. Материал эмоционально однопланов, нет большого размаха.

У меня есть предложение объединить 1-ю часть кантаты С.Т. Няга с кантатой Н.С. Пономаренко и Д.Г. Гершфельда» (Протокол от 1 сентября 1948 г. [7, с. 1–2]).

Мнения молдавских музыковедов о данной кантате Няги не отличается единодушием. В монографическом очерке *Штефан Няга* [4, с. 40–41], как и в главе о композиторе из последующего упомянутого сборника 1960 г. [11, с. 146–147], Н. Шехтман из всех произведений кантатного жанра останавливается и более детально рассматривает именно *Юбилейную кантату*¹¹, но весь разбор сводится к образно-драматургическому

⁷ По случаю подобных дат были организованы конкурсы среди композиторов.

⁸ Виктор Сергеевич Виноградов — советский музыковед, фольклорист, музыкальный и общественный деятель, специализировавшийся по истории развития национальных музыкальных культур СССР, главным образом среднеазиатских республик, а также развивающихся стран Азии и Африканского континента. Заметим, что музыковед получил также композиторское образование (неполное) в классе Г.Л. Катуара.

⁹ Здесь, по всей видимости, имеется в виду кантата *С нами Ленин, с нами Сталин*, так как упоминаемого эпизода смерти Ленина никак не могло быть ни в кантате *Штефан Великий*, ни в *Юбилейной кантате 25 лет Молдавской ССР*.

¹⁰ Так как предметом обсуждения оказались юбилейные произведения, то второй, очевидно, кантата Шт. Няги оказалась в порядке очередности прослушивания и последующей дискуссии. Первой кантатой стало одноименное коллективное сочинение. Судя по дальнейшему предложению выступающего, речь идет именно о кантате *25 лет Молдавской ССР*.

¹¹ Заметим, что Н. Шехтман использует словосочетание *Юбилейная кантата* как завышенное название произведения, в то время как в прилагаемом к очерку списке сочинений Шт. Няги кантата для солистов,

анализу. В завершение музыковед критически оценивает недостатки сочинения. Как пишет Н. Шехтман, «автор не использовал всех возможностей хорового звучания, несколько злоупотребляя унисонным пением; поэтому в кантате отсутствуют развернутые полифонические эпизоды... Отсутствие сквозного динамического развития образов, отсутствие подлинного симфонизма привело к тому, что и возможности оркестра остаются неиспользованными до конца. Здесь же следует отметить непропорциональность частей: третья часть по размерам превосходит первую и вторую взятые вместе» [4, с. 40–41].

А. Софронов, в свою очередь, также подробно анализирует *Юбилейную кантату 25 лет Молдавской ССР* Шт. Няги и называет её «выдающейся»(!): «Примечательно, что в этом выдающемся сочинении композитор ещё полнее, чем раньше¹², творчески, своеобразно преломил жизнерадостные интонации молдавских народных песен и танцев» [13, с. 61].

И. Милютина в своем биографическом очерке о Н. Пономаренко ограничилась упоминанием *Юбилейной кантаты* композитора как «крупного вокально-инструментального произведения... пронизанного идеей патриотизма» [14, с. 36].

Исторический перелом в Молдове, вошедшей в состав СССР в 1941 г., не мог не сказаться на интенсивном появлении произведений, отражающих тоталитарную систему страны, «зигдущую на социалистических принципах хозяйствования, идеологическом императиве (марксистско-ленинская коммунистическая утопия), политической однополюсности (однопартийность, культ личности), репрессивном механизме управления государством. Все эти аспекты нашли свое непосредственное отражение в *тоталитарной мифологии*, навязываемой властью обществу» [15, с. 1]. Эти общие для советских республик тенденции отличались в Советской Молдавии своей спецификой.

Прежде всего, в этом свете активное обращение композиторов Республики Молдова к славильным кантатам «на случай» становится знаком времени. Причинами растущей популярности этого жанра у композиторов была его востребованность у властей в качестве агитационной, пропагандистской формы музыкального творчества. И здесь всё же стоит рассматривать не только историю, основанную на внешне очевидных фактах, но и заглянуть в те глубины — интраисторию, — где таится истинная причина происходящего на тот момент в искусстве, в частности в музыке. Такие черты первых советских кантат как идеологически «правильное» содержание текстов, плакатность образов, доступный музыкальный язык, в обязательном порядке опирающийся на молдавский музыкальный фольклор, природа хорового пения — сильное воздействие коллективного звучания голосов хора на слушателей и т.п. отвечали потребностям времени. Более того, в непростое для Молдовы время (установление советского режима в 1940 г. в Бессарабии и последовавшая вторая мировая война) создание таких опусов

хора и оркестра фигурирует под названием *25-летие Молдавской ССР* [4, с. 48]. Значащееся на партитуре полное название сочинения — *Юбилейная кантата 25 лет Молдавской ССР* (посвящается 25^{ти}-летию Молдавии).

¹² Кантата, по-видимому, подвергалась переработке. Информация об этом содержится в документах архива СК : «Юбилейная кантата С.Т. Няги при прослушивании не получила одобрения творческого собрания ССК МССР (протокол от 18/1–1949 г.). Автору рекомендовано переработать кантату согласно с указаниями творческого собрания ССК МССР» (ф. 2941, инв. 1, д. 42, л. 2). На этом же собрании другая *Юбилейная кантата* — коллективное творение Д.Г. Гершфельда, Н.С. Пономаренко и Л.С. Гурова — признана «произведением, отвечающим идейно-художественным и профессиональным требованиям» и рекомендована к исполнению (там же).

можно расценивать как демонстрацию лояльности композиторов и поэтов новому политическому и государственному порядку.

Как указывала А. Хохловкина, авторы праздничных, приветственных кантат «на случай» прошлого писали свои опусы, не рассчитывая на их долгую концертную жизнь [16, с. 117], довольствуясь однократным исполнением. Нередко такие произведения носили официальный характер, далеко не всегда в их основе лежала глубокая творческая идея, поэтому и музыкальный результат не всегда оказывался на высоком художественном уровне. Что же касается советских кантат «на случай», то их продукция приобрела поистине массовый характер. Кантатные славы, здравицы, приветствия, оды и т.п. дружно писали и опытные композиторы, и начинающие авторы; не случайно дипломной работой выпускников консерваторий по классу композиции нередко оказывалось произведение этого жанра. Композиторы первого ранга и авторы-любители, представители различных национальных школ считали своим долгом сочинение подобных образцов к датам советского обрядового календаря, которые, по наблюдениям современных исследователей, участвовали в становлении, распространении и подержании мифов советской идеологии.

Библиографические ссылки

1. МОЖЕЙКО, М.А. Унамуно (Unamuno), Мигель де. **В:** *Новейший философский словарь*. Минск, 2003, с. 1070–1072.
2. *Ștefan Neaga=Штефан Няга: indice biobibliogr.* Chișinău: Timpul, 1976. Ed. cu grafie chirilică.
3. СОФРОНОВ, А. Няга С.Т. **В:** *Композиторы Молдавской ССР: (Крат. очерки жизни и творчества)*. Кишинев, 1956, с. 119–131.
4. ШЕХТМАН, Н. *Штефан Няга*. Москва: Сов. композитор, 1959.
5. PĂCURARU, I. Cantata “Ștefan cel Mare” de Ștefan Neaga. **In:** *Arta*, 1995. Ser. Teatru, Muzică, Cinematografie. Chișinău, 1995, p. 119–122.
6. КОТЛЯРОВ, Б.; БОГДАНОВСКИЙ, Е. *Кантатно-ораториальный жанр в творчестве молдавских композиторов*. Москва: Музыка, 1965.
7. *Подборка материалов о деятельности композитора Степана Тимофеевича Няги за 1948–50 годы*. 1950. Архив общественно-политических организаций. Ф. Р-2941, Оп. 1. Ед. хр. 23.
8. *Протокол №16 Творческого собрания ССК Молдавской ССР от 3 декабря 1948*. 1948. Архив общественно-политических организаций. Ф. Р-2941. Оп. 1. Ед. хр. 15.
9. СОФРОНОВ, А. *Штефан Няга*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1959.
10. СОФРОНОВ, А. *Штефан Няга*. Кишинев: Лит. Артистикэ, 1981.
11. ШЕХТМАН, Н. Шт.Т. Няга. **В:** *Композиторы Молдавской ССР*. Ред.-сост. А. Скоблионок, Москва, 1960, с. 137–149.
12. КЛЕТНИЧ, Е.С. *Композиторы Советской Молдавии: [очерки]*. Кишинев: Лит. Артистикэ, 1987.
13. СОФРОНОВ, А. *Штефан Няга*. Москва: Сов. Композитор, 1969.
14. МИЛЮТИНА, И. *Н.С. Пономаренко*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960.
15. ВОРОБЬЕВ, И. «Новорелигиозная» миссия тоталитарного искусства на примере кантатно-ораториального творчества советских композиторов 1930–1950 годов. **В:** *Вестник РАМ им. Гнесиных* [online]. 2011, №2. [цит. 12 дек. 2012]. Режим доступа: <<http://vestnikram.ru/file/vorobjev.pdf>>.
16. ХОХЛОВКИНА, А. *Советская оратория и кантата*, Москва: Музгиз, 1955.
17. КЛЕТНИЧ, Е.С. Штефан Няга. **В:** *Очерки о советских молдавских композиторах*. Кишинэу, 1984, с. 5–27.

**Таблица: Хронология кантат в творчестве композиторов
современной Республики Молдова: 1940-е годы**

№ п/п	Десяти-летие	Год	Композитор	Название кантаты	Автор текста	Исполнительский состав	Жанровые разновидности	Примечания (посвящения, уточнения)
1.	1940-1949	1940	Е. Кока	<i>Поет сердце Молдавии</i>		Хор <i>a capella</i>		
2.		1946	Шт. Няга	<i>Стефан Великий</i>		Солисты, хор и орк.		
3.		1947		<i>С нами Ленин, с нами Сталин (Бессарабцы)</i>	Л. Корняну	Солисты, хор и орк.		
4.		1949		<i>Привет Коммунистам Молдавии</i>	Б. Истру	Солисты, хор и орк.	марш-кантата	посвящается делегатам 2-го съезда Коммунистической партии Молдавии
5.		1949		<i>Юбилейная кантата 25-летие Молдавской ССР</i>	А. Лупан, П. Крученюк	Солисты, хор и орк.	на случай	Гос. премия СССР, 1950
6.		1949		Л. Гуров, Н. Пономаренко и Д. Гершфельд (в соавторстве)	<i>Юбилейная кантата</i>	А. Лупан, П. Крученюк	Солисты, хор и орк.	на случай